

НАЗИДАТЕЛЬНЫЯ МЫСЛИ.

Что увеличиваетъ согрѣшенія своихъ ближнихъ; пошъ самъ весьма малъ въ очахъ Божіихъ. Ибо онъ споишъ на вѣсахъ правосудія Божія съ своею собственною правдою. Если бы онъ достигъ правды, которую получающъ въ возрожденіи; то былъ бы кропкимъ судіею: ибо сія новая правда не что иное естъ, какъ самая любовь. Возрожденный пріобрѣтаешъ сію любовь, совлекаясь въ очищающемъ огнѣ всего того, что онъ называлъ своимъ; и у него ничего уже не остаешся, кромѣ своихъ согрѣшеній. Тогда грѣхи его представляются ему гораздо важнѣе грѣховъ другихъ людей. Ибо онъ не только знаешъ свои согрѣшенія, но и скорбишъ объ нихъ; между шѣмъ грѣхи ближнихъ находящся внѣ его, а не въ немъ. Такимъ образомъ онъ оспавляетъ судишъ другихъ, а всегда производишъ судъ надъ собою: ибо сіе естественнымъ образомъ и само собою слѣдуешъ изъ того, что онъ живо въ себѣ ощущаешъ.

Его снисхождение есть естественный плодъ его любви и смиренія.

Плошь и кровь, не могуція наслѣдовать царствія небснаго, истинно сокрушаемы бывають только въ тяжкое время самоумерщвленія, когда всякая собственность, всякое знаніе, желаніе, всѣ блага и самая жизнь, подобно благовонному жертвенному куренію, сгорають въ очищающемъ огнѣ. Тогда только человекъ познаетъ совершенно, что все то, что онъ прежде считалъ сколько нибудь значущимъ, дѣйствительно ничего не значить, и то, что казалось ему истиною, теперь есть одна ложь. Не зная ни пути, ни средствъ, содѣлавшись слѣпцомъ по духу и природѣ, — ибо ему кажется, что солнце его обратилось вспять — онъ теперь говоритъ съ Павломъ, котораго некогда ослѣпило блиспаніе свѣта небснаго: Господи, что мя хочещи творити! Дѣян. 9, 6.

Естьли человекъ при собственномъ уси-

ли пройдешь споль далеко, сколько по
 позволяеть ему челоуѣческія силы; еспьли
 попомь познаешь, что самь собою далѣ
 иппи не можешь, чтобь достигнушь цѣ-
 ли; и еспьли послѣ сего преклонишь колѣна,
 и воздѣнешь молишвенныя свои руки къ Бо-
 гу, дабы Онъ препоясалъ и вель его шуда,
 куда самь онъ ни иппи не можешь, ни пу-
 ти не знаешь: по благо ему: ибо онъ, чрезъ
 шаковое воздѣяніе грѣшныхъ рукъ своихъ,
 уподобляется бѣдному нищему, копорого
 опъ всякихъ ворошъ, когда ищешь помощи,
 опгоняющъ, и вмѣсто подаенія милоспыни
 говорящъ: *Богъ дастъ!* Ибо шеперь, когда
 всѣ швари опказывающъ ему въ помощи, и
 когда онъ самь себѣ пособишь не можешь,
 опъ себя и опъ шварей обращается къ
 Богу, шеперь шолько Богъ можешь сняшь
 съ него рубище собспвенной его правды, и
 облечь его въ новую брачную одежду, да-
 бы насыпишь его благами своей брачной
 вечера. Ибо доколѣ челоуѣкъ имѣешь себѣ
 приспанище и защиту; доколѣ знаешь, какъ
 ему должно поступашь съ собою: дополѣ
 ни Господь къ нему, ни онъ къ Господу со-
 вершенно не можешь приппи, и начашь

жишь въ Богѣ. Богъ истинно не можешь иначе бытъ къ намъ призванъ и благорасположенъ, какъ нашею бѣдносною и нагопою. Еслии сія наша бѣднось привязываетъ Его, то Онъ не замедлишь припсти къ намъ: ибо одинъ жалкой образъ нашей грѣховной нищеты восхищаетъ и влечетъ къ себѣ небесное царство.

Когда Богъ проспиратъ руку свою, дабы испоргнуть изъ сердца корень грѣха; тогда сначала у человѣка открываются глаза, и онъ познаетъ истинную свою бѣднось, и не только сокрушается о томъ, что сдѣлался такимъ грѣшникомъ, и впалъ въ такую глубину золь; но чрезмѣрно скорбитъ и о томъ, что находилъ прежде удовольствіе въ собственной своей правдѣ. Теперь-то только грѣхъ дѣлается для него настоящимъ грѣхомъ, и онъ оуждаетъ грѣхъ, пошому что онъ грѣхъ.

Теперь онъ ввергается въ нѣкоторый разрѣшающій огонь. То, о чемъ онъ прежде слушалъ съ удовольствіемъ, и что долженъ былъ прешерпѣть въ семь огнѣ, не можешь

послужишь ему оправдою въ его спрадани-
яхъ: ибо не можешь того себѣ усвоить.
Однакожь пипаешь въ себѣ сію пріятную
мысль: „о естлибы случилось со мною по-
же самое, что и съ другими обратившими-
ся!“ Ибо не можешь вѣришь, что это по-
же самое, думая, что его приключенія суть
приключенія неслыханныя и новыя. Но Богъ
теперь только любитъ его опъ всего сер-
дца, какъ свое чадо, и его мучительное и
бѣдственное соспояніе есть мука сердеч-
ной любви къ Богу. И какъ меньшій не мо-
жешь сморѣшь въ глаза большему, когда
сей обнимаетъ его, прижимая къ своему серд-
цу: такъ и человекъ не можешь узнать лица
Божія и своей собственнѣй вѣры, доколѣ
горитъ огонь искушенія. Но когда уже
огонь разгорится въ пламя, когда дѣлаеш-
ся изъ него огонь свѣшлый; тогда опяшь
видно ему бываетъ лице Божіе, и опяшь
просіяваетъ ему погасавшій, но несовсѣмъ
погасшій, свѣтъ вѣры.

Когда человекъ познаетъ свою грѣхо-
вность; тогда она бываетъ для него ме-

чемъ обоюду оспрымъ; онъ ужасается и бѣжитъ отъ нее. Кудаже? куда, естли не къ Богу? Ибо убѣгать грѣховъ значитъ уже прибѣгать къ Богу. Такимъ образомъ грѣхъ, сей мечъ, кошорымъ хочешь насъ поразишь сапана, обращается ему самому въ мученіе; и шо, въ чемъ находиль онъ пользу, служишь ему во вредъ и пагубу.

Человѣкъ, погубляя себя самаго въ духовной своей жизни, сначала не знаешь, какая послѣдуешь за симъ польза; но весь плодъ согнившаго пшеничнаго зерна оспаешся для него пайною. Сей плодъ вырастаетъ не вдругъ, но мало по малу. Равнымъ образомъ человѣкъ, очищаясь чрезъ великія скорби умерщвленія, и предварительно образуясь въ сѣмя Божіе, не прежде примѣчаешь, что онъ получилъ сіе новое сѣмя, какъ когда умреть; а умираешь не прежде, какъ когда исплѣешь въ великихъ скорбяхъ и спраданіяхъ.

Никто не думай, что шошь, кшо увѣ-

рень въ вѣчной жизни, ничего уже не по-
шерпишь.

Какъ небо есть престоль Мой, а земля
подножіе ногъ Моихъ: такъ духъ человѣка
есть небо и престоль Божій, а плоть
его подчинена духу, и есть подножіе духа.

Первое дѣйствіе просвѣщенія не прежде
бываетъ въ человѣкѣ, какъ послѣ перваго
дѣйствія очищенія. Когда сіе дѣйствіе при-
ближается къ окончанію, тогда приходишь
свыше и свѣтъ; но онъ не прежде можешь
войти въ него, какъ по совершенномъ о-
чищеніи. Ибо тогда, чрезъ пришествіе свѣ-
та, связанное опять дѣлаешься свободнымъ,
и такимъ образомъ въ семъ просвѣщеніи
надобно прудиться со многими усиліемъ.
За симъ начинается второе очищеніе, очи-
щеніе внутренней глубины. Но здѣсь до-
полъ нельзя ожидать дальнѣйшаго про-
свѣщенія, пока послѣдуешь совершенное
очищеніе.

Нѣтъ другаго средства къ соединенію духа нашего съ Богомъ, какъ пишашься пречистымъ Тѣломъ Христовымъ.

Есѣли уже на землѣ, въ сей временной жизни, мы должны сдѣлашья новою пварію; по съ духомъ нашимъ должно случишья тоже, что случилось съ тѣломъ Христовымъ. Духъ нашъ, подобно тѣлу Христову, долженъ спрадашья, умерешья, лежатъ во гробѣ и воскреснуть.

Возрожденный человекъ, живущій въ единомъ Богѣ, ѣстъ, пьешья, спитъ и удовлетворяешья временнымъ своимъ потребностямъ, подобно естествонному человеку; но все сіе дѣлаешья онъ неохотно и съ нѣкоторою скукою.

Поелику возрожденному обратилось въ природу и существенное свойство, пворитъ волю Божию, (ибо онъ вмѣсто сердца каменнаго, которому предписаны заповѣди Божіи, получилъ сердце плотяное, на которомъ написанъ Законъ Божій,) и поелику исполненіе воли Божіей обратилось ему

въ Божественную жизнь, въ живое спремленіе къ добру; по онъ, живя по заповѣдямъ Божиимъ, живеть уже не подъ Закономъ, но прѣвыше Закона. Заповѣдь Божія, говорящая ему опвиѣ, въ Писаніи или индѣ гдѣ нибудь, уже не воспаеть прошивъ него; но пребуеть того, чего онъ самъ охотно желаеть; запрещаеть то, что шеперь сдѣлалось ему нееспешвенно и прошивно его природѣ; и пошому буква Закона сдѣлалась живымъ, духовнымъ Закономъ, и слѣдовапельно исполненнымъ. Онъ также не имѣеть нужды въ слѣдующихъ наспавленіяхъ: что такое ееть человекъ возрожденный; какъ онъ живеть, ѣспеть, пьеть, бодрспивуеть, спитъ и проч. и какой путь ведеть къ возрожденію: ибо все сіе знаетъ онъ безъ внѣшняго наученія, по собспвенному живому опыту. Напрощивъ невозрожденный не понимаетъ того, хотя бы кто нибудь всевозможное упошребляль спараніе; сдѣлаеть ему словесное въ томъ наспавленіе. Это значило бы описывать ему на словахъ благовоніе вновь распущившихся цвѣшовъ, копорыхъ онъ не обоняль. Хотя бы другіе люди возрож-

денному говорили прошивное, судя по своей внутренней жизни; по никакъ онъ не поколеблешся: ибо все то, что онъ знаетъ, знаетъ изъ своего живаго внутренняго опыта; а не изъ чужаго, мерсваго, внѣшняго ученія.

Когда ему прошиворѣчатъ; по онъ спольже мало раздражается или смущается, какъ и всякой здоровый человекъ, когда ему говорятъ, что онъ боленъ. Но кто знаетъ что нибудъ полько по наукѣ, а не сущесвенно; по по не можетъ спокойно сносить такихъ прошиворѣчій.

Кто выходитъ изъ училища Креста, по по не хвалился уже своею силою; но одною благодатию и милосердіемъ Божиимъ. Сею благодатию, думаетъ онъ, всякой другой воспользовался бы вѣрнѣе и лучше, и съ большею славою подвизался бы, нежели онъ; посему онъ ни предъ кѣмъ не возноситъ себя, но всѣхъ людей почищаетъ лучшими себя. Впрочемъ по по гордости удержиываетъ его не одно разсужденіе умствующаго разума, но наипаче живый духъ сми-

ренія, поселенный въ него Крестомъ. Сей же самый Крестъ возводитъ его на столь высокій степень брапской любви, что онъ готовъ бываетъ отказатьсь отъ своего блаженства, только бы другихъ сдѣлать чрезъ то блаженными.

Когда избранный приближается къ Богу, и послѣ сихъ блаженныхъ минушь, въ которыя онъ совершенно забывалъ самъ себя, и ничего не зналъ кромѣ Бога, возвращается къ самому себѣ; тогда онъ сходитъ, какъ съ высокой горы, на кошорой Богъ съ нимъ бесѣдовалъ. Впрочемъ съ сего времени онъ безпрестанно обращаетъ взоръ свой на сію высоту, и ничего не имѣетъ въ виду, кромѣ Бога. Съ сего времени онъ, хотя также, какъ и прежде, находится среди суеты міра, но самъ не касается уже ничего, что на него дѣйствуетъ; а остается свободнымъ отъ всего, подобно водяной птицѣ, кошорая хотя и погружается въ воду, но вода тотчасъ опять спекаетъ съ ея перьевъ. Онъ забылъ все, мертвъ духомъ, какъ тѣломъ,

воскресъ въ Богъ, и непрестанно въ Немъ пребываешь.

~~~~~

Всякую мертвую букву Писанія должно разсмапривать, какъ членъ въ живомъ плѣдѣ Христовомъ, и по таковомъ разумѣнїи обращать въ живой духъ. Ибо въ образахъ, наружномъ Богослуженїи, и внѣшнихъ повѣспованїяхъ Писанія должно познашь вѣчную природу, внутреннюю сокровенную истину, тайную, сокровенную премудрость небеснаго царства, какъ бы покровомъ плоти облеченную, копорая первоначально опкрывается въ насъ посредствомъ Духа. Кшо такимъ образомъ Писанія не разумѣешь, пому многое, въ чемъ заключается высочайшая мудрость, кажется глупостїю; пому частїю совсѣмъ не разумѣешь Писанія, частїю понимаешь оное только въ половину.

~~~~~

Хриспось, не смощря на то, что Его челоуѣчество соединено было съ Божеспвомъ, сказалъ: *кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*. Таковую кропощь и смиренїе

хотя имѣешь иногда и послѣдователь Христовъ, при быспромъ свѣшъ благодати; но сей свѣшъ опять пропадаетъ.

Естьлибы сей свѣшъ всегда былъ при немъ, то онъ не могъ бы видѣшъ во всѣхъ непріятностяхъ ничего непріятнаго, во всякой причиняемой ему неправдѣ ничего неправеднаго, во всѣхъ врагахъ никого кромѣ сердечно любящихъ друзей: ибо думалъ бы, что всякая непріятность, всякая неправда, всякая вражда приходяшъ къ нему прямыми пушями.

Когда А. Павелъ говорилъ: *азъ есмь мнѣ Апостоловъ*; тогда Онъ былъ всѣхъ больше.
